УДК 16
DOI: 10.5840/dspl20181331

АПРИОРИЗМ ХЬЮЭЛЛА И ПОЗИТИВИЗМ КОНТА: КОНФЛИКТ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПРЕДМЕТНОГО КОНСЕНСУСА[1]

Антоновский Александр Юрьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Доцент, философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; e-mail: antonovski@hotmail.com

Бараш Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник. Институт социологии РАН. Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5; e-mail: raisabarash@gmail.com

В статье представлено введение к работе Уильяма Хьюэлла «Конт и позитивизм». Обосновывается, что идеи Конта рассматриваются в этом эссе лишь как предлог и повод для того, чтобы заявить общий протест против набирающей силу в научной и общественной жизни критической установки как в отношении к эволюции природы и науки, так и в развитии общественного устройства. Между тем, с предметно-содержательной точки зрения, позиции оппонентов оказываются весьма близкими. В этой связи обосновывается, что полемический пафос Хьюэлла может получить объяснение лишь в социальном измерении научной коммуникации. Эту работу можно назвать последним манифестом т. н. «староевропейской семантики» с ее доктриной «истинностного перфекционизма», предполагающего достижение состояния развития науки, в котором основные истины будут сформулированы навечно.

Ключевые слова: Уильям Хьюэлл, Огюст Конт, априоризм, позитивизм, социальная эпистемология, социальная философия науки, коммуникация.

APRIORISM OF AUGUST COMTE AND POSITIVISM OF WILLIAM WHEWELL: COMMUNICATIVE DISSENT BY SUBSTANTIAL CONSENSUS

Alexander Yu. Antonovski – DSc in Philosophy, leading research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: antonovski@hotmail.com.

The article introduces the work by William Whewell “Auguste Comte and the Positivism.” It is maintained by the authors that the Comte's ideas are considered in this essay only as a pretext and an excuse to declare a general protest against the growing critical attitude relative to scientific and social life, and also both to the evolution of nature and science, and to the development of the social order. This work by Whewell can be called the last manifesto of the so-called

[1] Некоторые идеи этой статьи в сильно редуцированном виде были представлены во введении к переводу У. Хьюэлла «Конт и позитивизм» [Антоновский, Бараш, 2017].

Raisa E. Barash – CSc in Political Science, senior research fellow. Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. 24/35 Krzhizhanovsky St., 117218, Moscow, Russian Federation; e-mail: raisabarash@gmail.com.

"old European semantics" with its doctrine of "truth perfectionism", which assumes the achievement of the final state in the development of science, in which the basic truths would be formulated forever.

Keywords: William Whewell, Auguste Comte, apriorism, positivism, social epistemology, social philosophy of science, communication.

Поводом к написанию этой статьи послужило небольшое эссе Уильяма Хьюэлла, в котором он представил несколько, с нашей точки зрения, не всегда справедливых критических инвектив в отношении набирающего силу позитивистского течения в философии в версии Огюста Конта. Резкость этих обвинений, очевидно, выходит за пределы рамок научной полемики. Попробуем ответить на них вместо Конта и попытаемся объяснить мотивы столь жесткой критики, что, как мы надеемся, даст возможность продемонстрировать, с одной стороны, «современность» и актуальность концепта самого Хьюэлла, а с другой – отдать должное идеям О. Конта.

В этом эссе, как нам представляется, требуют объяснения не только предметные основания полемики. Столь эмоциональные эскапады, возможно, провоцируются и общими жизненно-мировыми и, не в последнюю очередь, мировоззренческими и религиозными разногласиями. На одной стороне дискуссии – истинно французские «необузданность» (по словам Хьюэлла) и радикализм, на другой – педантичность и консерватизм британского профессора «философии морали» викторианской эпохи. Эта полемика представляет нам замечательный случай комплексной научной и философской дискуссии, где социально обусловленные факторы выступают не только как препятствия, идеологически искажающие предметный научный дискурс, но также и в функции триггера истинных и предметно-обоснованных аргументов и положений дел.[1]

Для начала перечислим основные претензии Хьюэлла к Конту.

1. «Ограниченность знаний» и «необузданность мышления» лишают, с точки зрения Хьюэлла, какой-либо ценности рассуждения Конта по поводу философии и истории науки.

2. Хьюэлл не согласен с контовским отрицанием абстрактных «понятий, причин, теорий» и в особенности с тем позитивистским утверждением, что *исключительно явления* составляют предмет науки.

3. Хьюэлл не разделяет и сверхкритичное отношение Конта к научным терминам и суждениям (в частности, не согласен с тем,

[1] Здесь, безусловно, приходится использовать социально-эпистемологический инструментарий «Сильной программы» в социологии науки, предполагающий рассмотрение социальной обусловленности истинных утверждений. Но особенно важным представляются идеи коммуникативной теории науки Н. Лумана, требующей рассматривать научные контроверзы в трехмерном социальном, предметном и временном измерениях [Луман, 2016].

что утверждение «Природа боится пустоты» превращает природу в активного деятеля).

4. Отклоняет Хьюэлл и универсалистское представление Конта об этапах научного познания, согласно которому все науки должны иметь некий религиозно-метафизический генезис.

5. В противовес эмпиризму Конта Хьюэлл формулирует свой вариант априоризма. В частности, утверждает, что метафизика – важный этап развития науки, поскольку позволяет сформулировать «идеи» и законы независимо от фактов, тогда как сами факты можно фиксировать *исключительно* посредством ранее полученных идей.

6. Из неприятия априоризма вытекает отклонение Контом метафизически фундированной «волновой теории». Оспаривая это, Хьюэлл указывает, что отказ от волновой теории делает факты (дифракцию, интерференцию) «невыразимыми».

7. Особый сарказм вызывает у Хьюэлла признание Контом дарвинизма и, как следствие, отклонение конечных (божественно установленных) причин, что, по мнению Хьюэлла, противоречит сверхкомплексной структуре организмов и органов.

Все означенные претензии суммируются в общий и основной упрек Хьюэлла к Конту: контовская «идея научного прогресса» не учитывает реальную историю науки!

Начнем по порядку рассматривать аргументацию Хьюэлла. Первое обвинение – в необузданности характера и ограниченности знания – можно было бы оставить без внимания и списать на незрелость коммуникативных практик и «научного этоса» [1] первой половины XIX в. И уж, конечно, внутренне противоречивым выглядит утверждение об отсутствии научной ценности опровергаемого Хьюэллом мнения, если само это столь эмоциональное опровержение перформативно утверждает, если не ценность, то, по крайней мере, силу и влияние утверждаемого Контом подхода. Почему же Хьюэлл все-таки принял решение «стрелять из пушек по воробьям» и, кроме того, добрую половину статьи посвящает детальному описанию личности Конта? Думается, в качестве рабочих объяснений можно предположить, что Хьюэлл учитывает не столько научную ценность позитивистского подхода, сколько его социальные контекст и потенциально-революционное значение. В этом смысле Хьюэлл, конечно, дискутирует не столько с Контом, сколько с теми возможностями, которые предоставляет позитивистская картина мира, отрицающая *априори* любого рода [Касавин, 2015], касаются ли они науки или общественного устройства [2].

---

[1] Формализацию научного этоса принято связывать с именем Р. Мертона и Ф. Знанецкого; на русском языке см. [Мертон, Бараш, 2013; Бараш, 2013].

[2] Вспомним, что большинство более поздних позитивистов были настроены радикально-скептически и критически по отношению к современному им обществу. Парадный пример здесь представляет Отто Нейрат с его идеей «научного мировоззрения» как орудия преобразования общественного порядка путем замены «ретроградных мировоззрений». Подробнее о

Что касается упрека в отрицании общих «понятий, причин, теорий», то здесь Хьюэлл откровенно подменяет тезис. Все-таки эмпиризм Конта не доходит до таких крайностей [1], а скорее расширяет ньютонианский тезис *hypotheses non fingo*.

Этот тезис (также и в изложении Конта см. цитату в сноске) порывает со схоластическим аристотелизмом «естественных мест» и «финальных причин», как бесплодных в научном отношении гипотез, и, очевидно, не несет никакой угрозы общим понятиям, законам и (нефинальным) причинам. Если же, вслед за Хьюэллом, понимать контовский позитивизм исключительно как описательную фактологию, то такой науки (исходя из тезиса Хьюэлла-Дюгема-Куайна) действительно не может быть. Но как в этом случае рассматривать поддержку Контом «эмиссионной теории» и его отклонение волновой теории света, если он, по мнению Хьюэлла, вообще не принимает теоретической формы научного знания?

Продолжая дискуссию с Контом (и неявно с Юмом) и обосновывая важность поиска «причин» явлений, Хьюэлл выдвигает тезис тождества *причин и законов*:

«…рассмотрение реально прогрессирующей науки говорит нам о том, что первый шаг науки состоит в открытии законов явлений и что, только опираясь на эти законы и восходя от одной степени общности к более высокой, мы можем надеяться открыть те самые общие законы, которые мы называем *причинами*. Но когда нам открываются такие общие законы, то почему мы не можем назвать их *причинами*, когда весь мир их так называет?» – пишет Хьюэлл в своем эссе [Хьюэлл, 2017, с. 210]. И далее, обращаясь к геологии, он указывает на ряд феноменов («огонь, катастрофы, вода, постепенные изменения»), которые, с одной стороны, как бы маркируют воспроизводимые каузальные связи, т. е. законы, а с другой, явля-

---

социально-революционном значении логического позитивизма [Richardson, 2003, p. 65-90]

[1] Здесь достаточно выслушать самого Конта. «Вы спрашиваете, например, у современного физика: почему свинцовая пуля, которую я выпускаю из рук, падает на землю? - Почему, отвечает Вам физик, этого я не знаю, но я могу Вам сказать, что существует общий закон, по которому все тела во всей Вселенной взаимно притягивают друг друга пропорционально массам и обратно пропорционально квадратам расстояния. Так как ваша пуля меньше земного шара, то земной шар и притягивает ее к себе; если бы она была больше земного шара, то случилось бы наоборот, то есть не пуля упала бы на землю, а земля упала бы на пулю. Но почему все это происходит так, а не иначе, *почему* тела взаимно притягивают друг друга, и притягивают именно так, как я это объяснил, этого я не знаю, этого не знает никто, это останется вечною тайною для всех людей, и поэтому совершенно бесполезно и нелепо задавать себе или другим подобные вопросы» (процитировано в переводе Д.И. Писарева [Писарев, 1989, с. 344]. Конечно, при апелляции к ньютоновскому «hypothesis non fingo» Конт, очевидно, разделяет пресловутые декартовские законы движения, согласно которым (четвертое правило) *размер* тел, а не масса тела, определяли характер их взаимодействия.

ются причинами соответствующих процессов – формирования геологических напластований.

Современный философ науки с этим, скорее всего, не согласится, поскольку, по крайней мере, начиная с К. Гемпеля, все-таки принято различать две независимых части эксплананса: (1) контрфактический научный закон [1] и (2) антецедент [2] как конкретное фактическое явление, как *причину* некоторого другого, вытекающего из него факта-следствия.

Почему же Хьюэлл отождествляет *причину и закон*? Думается, не только для того, чтобы «спасти» причины от мнимых угроз со стороны позитивизма Конта, который, напомним, под причинами понимал вовсе не законы, а «гипотезы» в смысле Ньютона – некие *скрытые механизмы*, лежащие в основании закона тяготения. И в своем отношении к этим скрытым механизмам Хьюэлл, безусловно, выглядит актуальнее Конта. Современная наука и философия науки давно не запрещает себе такого рода «экзистенциальных гипотез», постулирующих фактическое существование скрытой реальности или механизмов, объясняющих наблюдаемые процессы[3].

Однако Хьюэлл современен не только в отношении этой апелляции к «гипотезам». Его – странное для нас – отождествление причин (т. е. конкретных событий, фактов) и общих законов, возможно, восходит к его ключевой методологической установке: *относительности и контекстуальной определенности различий между фактами и теориями, во многом предвосхитившей тезис Дюгема-Куайна.*

Факты и теория выступают у Хьюэлла сторонами или аспектами единого феномена, где факт есть нерефлексивное использование теоретических принципов, обеспечивающих единство чувственных данных. То, что *год состоит из 365 дней*, является фактом, однако его констатация предполагает нерефлексивное использование теоретических переменных-«идей»: *времени, пространства, рекурсивности, коннективности* и т. д. Если же мы меняем глубину четкости наблюдения, в фокус последнего попадают и сами эти идеи, интегрирующие факты и концепты (идеи) в некоторое единство.

Согласно этой установке, основанной на кантовском априоризме, «идеи», «теории», «концепты» (и прежде всего, *пространство, время, причинность* и т. д.) понимаются Хьюэллом как предпосы-

---

[1] Контрфактический, поскольку его валидность не зависит от его конкретных проявлений, т. е. от того, действительно ли кто-то опускает лакмусовую бумажку в кислоту (причина), и она меняет цвет (следствие). Закон бы действовал и действительно действовал и до изобретения лакмусовой бумаги.

[2] В нашем примере – опускание лакмусовой бумажки.

[3] «Scientific explanation consists in finding or imagining plausible generative mechanisms for the patterns amongst events, for the structures of things, decay or extinction of things and materials, for changes within persisting things and materials» [Harré, 1970, p. 116-125].

лаемые опыту *рациональные принципы*, имеющие своей функцией связывание фактов. И, соответственно, не могут проистекать из ощущений, а служат *условием возможности* понимания этого опыта. Поэтому Хьюэлл и отказывает в существовании «чистому факту», хотя при этом де факто признает, что не существует каких-то *объективных* различий между фактом и теорией. (Так, например, законы Кеплера, согласно Хьюэллу, на более высоком уровне теоретизации – в рамках теории Ньютона – представляют собой, скорее, факты).

И это, конечно, существенно подрывает его априоризм, вводя существенный конструктивистский элемент в его подход. Ведь дистинкция *факты/теории* выражает лишь различия в *наблюдательных перспективах*, является *психологической*, существует в голове наблюдателя, а не в самом мире. Эта дистинкция *управляет* и направляет познание, а в самом мире у нее не обнаруживается коррелятов. В этом смысле априоризм Хьюэлла вплотную приближается к современному конструктивизму в рамках его радикальных версий.

Требуют разъяснения и социально-эпистемологические основания *третьей* претензии к Конту. Безусловно, критика контовского требования избыточной (с точки зрения Хьюэлла) понятийной строгости представляется оправданной. Зачем без достаточных на то оснований отказываться от работоспособных и универсально-утвердившихся понятий, пусть даже и утративших свой референт, но не свою функцию *априорного связывания данных опыта?* [1] Так, теория и понятие «флогистона» в том, что касается идеи связи *горения*, *окисления* и *дыхания*, должна быть сохранена как некая вечная истина [2]. И здесь трудно не зафиксировать общую социально-консервативную установку Хьюэлла, готового сохранять функционирующие институты, – даже и вопреки признанию истинности

[1] Априористский постулат Хьюэлла выражается в идее двух истин: «Я уже кратко сформулировал различие между этими двумя видами истин: одни являются такими истинами, которые, как мы видим, должны быть истинными; другие являются истинами, но, насколько мы можем судить, могло бы быть и иначе. Первые истины являются необходимыми и универсальными, вторые получены из опыта и ограничены опытом. Теперь в отношении истин первого рода я хочу показать, что универсальность и необходимость, являющиеся их отличительными чертами, никоим образом не могут быть выведены из опыта; что на самом деле эти особенности вытекают из идей, включенных в эти истины. Необходимость истины выявляется в ходе логического доказательства, опирающегося на определенные фундаментальные принципы (определения и аксиомы), которые можно рассматривать как выражающие в некоторой мере существенные особенности наших идей»! [Хьюэлл, 2015, с. 227]

[2] «То, что горение, независимо от того, является ли оно химическим соединением или химическим разделением, имеет ту же природу, что и окисление, было признано Бехером и Шталем и вскоре было обосновано в качестве истины, которая должна войти в каждую успешную физическую теорию» [Хьюэлл, 2016, с. 31]

конкурирующей позиции (теории Лавуазье), – если они продолжают выполнять свои – связывающие опыт – функции.

И все-таки критика позитивистского тезиса и защита «метафизических понятий» проведена Хьюэллом, мягко говоря, своеобразно. Ведь она предполагает отказ и ненужность провозглашаемой Контом редукции научных терминов к ясным и отчетливым понятиям. И, правда, почему не отказаться от понятия *природы в* пользу других более ясных понятий, лишенных ненужных коннотаций, если у нее нет никакого позитивного содержания, кроме идеи «активного деятеля»? Неужели Хьюэлл отвергает картезианский принцип прояснения понятий? Но как такое можно ждать от ученого и философа науки?

Предположим, что и эта осторожность Хьюэлла объясняется его априористской доктриной, в соответствии с которой ряд метафизических концептов (*пространство, время, причинность* и т. д.) в известном смысле уже давно утвердились и прояснены (скажем в функции *средства научного познания* или в теоретической рефлексии Канта), а. значит, – не требуют дальнейшей работы над ними [1].

И все-таки прояснение научных понятий, с его точки зрения, остается важнейшей частью развития науки, но просто не должно быть доверено столь «безрассудным» личностям типа Конта. Так, концепт «инерция», последовательно проясняемый Галилеем, Декартом и, наконец, Ньютоном, приходит к своему последнему – ясному и отчетливому – завершенному состоянию и окончательному определению (“necessary cogency”, словами Хьюэлла) и больше не требует пояснений.

Четвертый аргумент Хьюэлла не просто выражает его философскую позицию в отношении научных и метафизических понятий, но апеллирует непосредственно к истории науки. И здесь, казалось бы, авторитет Хьюэлла поистине незыблем. Не существует науки, утверждает Хьюэлл, в которой позитивный этап сменяет этап метафизический, где «открытие законов явлений… осуществлялось бы независимо от обсуждения идей, которые должны быть названы *метафизическими*. … Открытия Кеплера были бы невозможны без его метафизических понятий» [2] [Хьюэлл, 2017, с. 211].

Проблема лишь в том, что Конт и не думает спорить с этим аргументом, но собственно вторит Хьюэллу в том, что все науки и до сих пор частично остаются «под опекой теологии и метафизики», и

---

[1] Эти «идеальные понятия» «содержат в себе результаты глубокой и тщательной подготовки к исследовательской работе. Они передают последующим поколениям умственные сокровища какого-то периода и, снабженные точным смыслом, без ущерба для себя проходят через водовороты времени, в которых рушатся империи и уходят в прошлое обыденные языки» [Хьюэлл, 2016, с. 32]

[2] Напомним, что Кеплер разделял пифагорейскую картину мира, согласно которой все отношения между движениями и позициями небесных тел должны быть выведены из единой формулы, которую он, в конце концов, и формулирует, связывая отношения квадратов периодов движения любых двух планет с отношениями кубов больших полуосей их орбит.

эта опека давала *новым* наукам (биологии и социологии) определенные «гарантии» [1] в конкуренции с утвердившимися ранее дисциплинами. Как мы увидим дальше, мысли Хьюэлла и Конта удивительно конгениальны: метафизика «помогает» наукам в их становлении (дает «временные объяснения» у Хьюэлла и «гарантии» у Конта).

В сущности – освобожденная от терминологической наукообразности – мысль Конта проста: наука начинается со слабо фундированных фантастических представлений и не сразу формирует теоретико-методологические процедуры удостоверения знания. И биология, и, особенно, социология, как раз и есть такие науки, которые позже других пришли к этой последней стадии, и поэтому нуждаются в метафизической поддержке в конкурентной борьбе. Науки, таким образом (1) – это своего рода активные агенты, претендующие на чужую дисциплинарную территорию более ранних наук. Эти более ранние науки (астрономия, механика и т. д.) составляют фундамент для становления следующих (по времени) дисциплин, но стремятся редуцировать новые науки к «старому и достоверному» знанию. (2) Социология же, как новейшая (и последняя!) комплексная дисциплина, возвращает *единство* научному знанию, утраченному ранее на метафизической стадии, разделившей моральную философию и натуральную философию. И Хьюэлл, по существу, не спорит с этими тезисами Конта, а ведь именно здесь заканчивается революционный пафос критической установки Огюста Конта, и научное развитие все-таки приводится им к некому логическому и историческому завершению.

Здесь Конт выступает даже большим консерватором, нежели Хьюэлл, который, напротив, защищая метафизику и, видимо, находясь в состоянии полемического задора, вновь частично отходит от принципов априоризма. (Напомним, что доктрина априоризма позволяла Хьюэллу утверждать необходимый характер *части* научного знания, прежде всего, законов физики, что отличало его от всех иных *контингентных* видов знания, которое, с одной стороны, впоследствии могло быть пересмотрено, и, во-вторых, имеет своим предметом нечто, что могло быть и другим, не таким, каковым оно в настоящее время является. Так, законы Ньютона явля-

[1] «Так как при своем предварительном развитии, единственно имевшем место до сих пор, положительный метод вынужден был, таким образом, постепенно распространяться от низших знаний к высшим, то последние неизбежно подверглись победному натиску первых, против влияния которых их необходимая самобытность не находила сначала другой гарантии, кроме бесконечного продолжения теолого–метафизической опеки» [Конт, 2011, с. 76] О чем этот тезис Конта? О том, что метафизика защищала новое и более комплексное «самобытное» (читай – эмерджентное) знание (биологическое и социологическое) в его борьбе с «редукционизмом к низшему» (т. е. более раннему и достоверному знанию из математики, астрономии, механики).

ются истинными на все времена, поскольку «экземплифицируют» собой априорную идею каузации [1]).

И несколько неожиданно и вопреки всему пафосу априорного обоснования необходимости знания – Хьюэлл обращается к метафизике как некому резервуару «вр*е*менных» понятий, призванных затыкать «дырки» в теориях [2]. В устах Хьюэлла это предстает как весьма удивительное утверждение, несовместимое с его априоризмом, согласно которому все достигнутые истины должны сохраниться навсегда. Под этим «утверждением временности», может быть, с оговорками, подписался бы и Поппер.

Впрочем, в своем утверждении, что реальная история наук вовсе не соответствует строгому членению на три контовских этапа, Хьюэлл все-таки не всегда справедлив. Конт в «энциклопедическом законе» развития наук не утверждает какой-то жесткой строгости этапов, где (см. сноску выше) «метафизическая опека» сопровождает науки до последних дней. Речь, скорее, идет о неких «идеальных типах» наук, реальная история которых, конечно, не всегда соответствует абстрактной логике их развития. Впрочем, и сам Хьюэлл формулирует собственный «закон трех стадий» развития науки, в котором в чем-то даже дает похожую трехэтапную схему развития наук.

На первой стадии (этап «декомпозиции фактов» и «прояснения понятий») формулируются элементарные факты в рамках ясных и отчетливых идей (пространство, время, число) и основные научные понятия «силы», «поляризации», «биологического вида» и т. д.; на втором «индуктивном этапе» в результате «коллигации фактов» формулируются теории и законы: скажем, законы Кеплера посредством математических концептов – кубов, квадратов, пропорциональности – сводят воедино факты о положении и движении планет, периодах вращений и расстояниях до солнца. На третьей – дедуктивной – стадии из законов и теорий извлекаются новые факты.

Что касается упрека Хьюэлла в поддержке Контом «эмиссионной» теории света, несовместимой с явлениями дифракции и интерференции, то все-таки и сам Хьюэлл признает некоторую справедливость «эмиссионной» теории в отношении феномена зрения и поглощения света, которые не могла объяснить волновая теория [Хьюэлл. 2016, с. 234].

Какое мы можем дать объяснение этому событию научной коммуникации? Можно ли социоэпистемологически объяснить

---

[1] Аксиомы каузации: ничто не происходит без воздействия силы, следствия пропорциональны причинам, противодействие равно и противоположно действию. «Основаниями этой науки (механики) – пишет Хьюэлл – являются … аксиомы относительно причинности» [Хьюэлл, 2016, с. 150].

[2] «Кто (кроме метафизики – А.А., Р.Б.) поможет нам … хотя бы *временно приемлемому* пониманию атомного строения тел и объяснит, почему при любой схеме атомного строения мы неизменно приходим к противоречию, связанному с *полу-атомами*, и как этого избежать?» – пишет Хьюэлл в своем эссе о Конте [Хьюэлл, 2017, 2011].

столь резкий полемический настрой при значительном сходстве подходов и явном гипертрофировании разногласий? Здесь, на наш взгляд, следует принимать во внимание всю многомерность коммуникативного акта научной полемики и учитывать – в дополнение к предметному – также временн*о*е и социальное измерения научной коммуникации. В этом смысле речь может идти не столько об утверждении своей концепции развития научного знания, сколько о защите временн*о*го приоритета в формулировании «паттернов» научной истории (временное измерение научной коммуникации). И, безусловно, эта полемика выражает во многом непримиримые социальные противоречия между консерватором и глубоко религиозным человеком, каковым являлся Хьюэлл, и радикалом, а такеж фактическим атеистом Контом (социальное измерение научной коммуникации). В результате контроверзы представляются более глубокими, чем они выглядят на первый взгляд. Такие «социальные» различия затем сказываются и в сфере предметных дискуссий. И особое место в дискуссии Конта и Хьюэлла занимает вопрос роли в науке «конечных причин».

Интересно и объяснение явлений органического мира, где Хьюэлл придерживается кантовского представления о целесообразном строении организмов как принципа научного объяснения их развития. Так, «наиболее выдающиеся физиологи – пишет Хьюэлл в своем эссе – во все времена провозглашали, что на каждом шагу они открывают свидетельства предназначения», «глаз был создан для зрения, указывая на то, что оптическая регулировка глаза опровергает учение о том, будто он возник сам собой» [Хьюэлл, 2017, с. 215]. Но если Кант все-таки придерживался, скорее, материалистических позиций, и его знаменитая *Zweckmaessigkeit ohne Zweck* имела для него эвристическую функцию, то телеологизм Хьюэлла, конечно, проистекает из его убежденности в факте божественного предустановления. И с высоты современных достижений синтетической теории эволюции, конечно, несколько комично звучит издевательский тон Хьюэлла в отношении дарвинизма, разделяемого Контом: «Удивительные приспособления для регулировки фокуса к разным расстояниям, для допуска разных количеств света, для коррекции сферической и хроматической аберрации – все это было приобретено на воображаемом пути от кусочка нерва до сложного глаза, следовательно, Природа двигалась по этому пути к сложному глазу. Это выглядит абсурдным, тем не менее, такое учение распространяется» [Хьюэлл, 2017, с. 216]. Эволюционизм не совместим с идеей конечных причин, и как следствие, с априоризмом в отношении последних, необходимых и вечных истин. Именно в этом пункте разногласия Хьюэлла и Конта выглядят непреодолимыми. Но проистекают ли они действительно из предметных соображений или все-таки обусловлены мировоззренчески и культурно-религиозно?

Заключение

Читая Хьюэлла, трудно избавиться от впечатления, что идеи Конта рассматриваются в этом эссе лишь как предлог и повод, чтобы заявить общий протест против набирающей силу в научной и общественной жизни критической установки как к эволюции природы и науки (Спенсер, Дарвин и т. д.), так и к развитию общества. Эту работу можно назвать последним манифестом т. н. «староевропейской семантики» с ее доктриной «истинностного перфекционизма», предполагающего достижение состояния развития науки, в котором основные истины будут сформулированы навечно [Луман, 2016].

Но как это совместимо с общим пафосом работ Хьюэлла – скрупулезного исследователя текущих научных контроверз и дискуссий? В дискуссии с Контом, как нам кажется, социальное измерение (жизненно-мировая установка викторианской эпохи в Англии с ее резким неприятием революционного духа Франции) все-таки перевесило предметное измерение научной коммуникации. Этот консерватизм получает и философско-научное обоснование в идее «коллигации фактов» (см. выше), подразумевающей сохранение и *консервацию* «работающих институтов» и «научных концептов», если они обеспечивает интеграционную функцию, вопреки критике и даже наличию иных эффективных решений. Но и временн*о*е измерение научной коммуникации играет здесь существенную роль. Ведь не случайно объектом критики выбран Конт как разработчик конкурирующей и весьма влиятельной системы классификации и концепта стадиального развития наук.

Благодарности

Антоновский Александр Юрьевич: Опубликовано при поддержке гранта Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект № 17-03-00812-ОГН «Рождение философии науки. Уильям Хьюэлл, круг общения и следствия для 20 века».

Бараш Раиса Эдуардовна: Опубликовано при поддержке гранта Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект № 17-03-00733 «Системно-коммуникативный подход Н. Лумана в приложении к Российскому обществу».

Acknowledgements

Alexander Yu. Antonovski: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-03-00812-OGN “The rise of the philosophy of science. William Hewell, a communication circle and its effects for the 20th century.”

Raisa E. Barash: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-03-00733 “The Theory of the Niklas Luhmann's Communicative Systems in its Aplication to the Russian Society”.

Список литературы

Антоновский, Бараш, 2017 – *Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э.* Хьюэлл против Конта, или возможна ли коммуникация между априоризмом и позитивизмом? // Epistemology&Philosophy of Science. Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 202–208. DOI: 10.5840/eps201754483.

Бараш, 2013 – *Бараш Р.Э.* Роберт Кинг Мертон и Флориан Знанецкий о «людях знания» и «людях действия» // Epistemology&Philosophy of Science. Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 37. № 3. С. 205–206.

Касавин, 2015 – *Касавин И.Т.* Истоки априорного знания // Epistemology&Philosophy of Science. Эпистемология и философия науки. 2015. Том 38. №. 1. С. 223–225. DOI: 10.5840/eps201543142.

Конт, 2011 – *Конт О.* О Духе позитивной философии. Слово о положительном мышлении / пер. с фр. И. Шапиро. М.: Либроком, 2011. 82 с.

Луман, 2016 – *Луман Н.* Истина, знание, наука как система / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Логос, 2016. 408 с.

Мертон, Бараш 2013 – *Мертон Р., Бараш Р.Э.* Социальная роль человека знания Флориана Знанецкого // Epistemology&Philosophy of Science. Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 37. № 3. С. 207–212.

Писарев, 1989 – *Писарев Д.И.* Исторические идеи Огюста Конта // Д.И. Писарев. Исторические эскизы. Избранные статьи. М.: Правда, 1989. С. 340–504.

Хьюэлл, 2015 – *Хьюэлл У.* Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю // Epistemology&Philosophy of Science. Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 43. № 1. С. 226–228. DOI: 10.5840/eps201543143.

Хьюэлл, 2016 – *Хьюэлл У.* Философия индуктивных наук, основанная на их истории. М.: Кнорус, 2016. 500 с.

Хьюэлл, 2017 – *Хьюэлл У.* Конт и позитивизм // Epistemology&Philosophy of Science. Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 209–224. DOI: 10.5840/eps201754484.

Harré, 1970 – *Harré R.* The Principles of Scientific Thinking. L.: Macmillan 1970. 324 p.

Richardson, 2003 – *Richardson A.* Tolerance, Internationalism, and Scientific Community in Philosophy: Political Themes in Philosophy of Science, Past and Present / Heidelberger M., Stadler F. (eds.) Wissenschaftsphilosophie und -politik; Philosophy of Science and Politics. Vienna: Springer-Verlag, 2003. P. 65–89.

References

Antonovskiy, A.Yu., Barash, R.E. Whewell protiv Konta, ili vozmozhna li kommunikatsiya mezhdu apriorizmom i pozitivizmom? [Whewell vs Comte: Is "Apriorizm – Positivism" Communication Possible?], *Epistemology&Philosophy of Science*, 2017, vol. 54, iss. 4, pp. 202–208. DOI: 10.5840/eps201754483. (In Russian)

Barash, R.E. Robert King Merton i Florian Znanetskij o «lyudyakh znaniya» i «lyudyakh deistviya» [Robert King Merton and Florian Znaniecki about "People of knowledge" and "People of Action"], *Epistemology&Philosophy of Science*, 2013, vol. 37, no. 3, pp. 205–206. (In Russian)

Comte, A. *O dukhe pozitivnoi filosofii* [On the Spirit of the Positive Philosophy]. Moscow: Librokom, 2011. 276 pp. (In Russian)

Harré, R. *The Principles of Scientific Thinking*. London: Macmillan, 1970. 334 pp.

Kasavin, I.T. Istoki apriornogo znaniya [Sourses of the A Priori Knowledge], *Epistemology&Philosophy of Science*, 2015, vol. 38, no. 1, pp. 223–225. DOI: 10.5840/eps201543142. (In Russian)

Luhmann, N. *Istina, znanie, nauka kak sistema* [Truth, Knowledge, Science as a System]. Moscow: Logos, 2016. 408 pp. (In Russian)

Merton, R., Barash, R.E. Sotsialnaya rol cheloveka znaniya Floriana Znanetskogo [The Social Role of Florian Znaniecki's "People of Knowledge], *Epistemology&Philosophy of Science*, 2013, vol. 37, no. 3, pp. 207–212. (In Russian)

Pisarev, D.I. Istoricheskie idei Ogyusta Konta [Auguste Comte's Historical Ideas], in: D.I. Pisarev. *Istoricheskie eskizy. Izbrannye statji* [Historical Sketches. Collected Papers]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 340–504. (In Russian)

Richardson, A. Tolerance, Internationalism, and Scientific Community in Philosophy: Political Themes in Philosophy of Science, Past and Present, in: Michael Heidelberger & Friedrich Stadler (eds) *Wissenschaftsphilosophie und politik; Philosophy of Science and Politics.* Vienna: Springer-Verlag, 2003, pp. 65–89.

Whewell, W. Filosofiya induktivnykh nauk, opirayuschayasya na ikh istoriyu [Philosophy of Inductive Sciences, Based on Their History], *Epistemology&Philosophy of Science*, 2015, vol .43, no. 1, pp. 226–228. DOI: 10.5840/eps201543143. (In Russian)

Whewell, W. *Filosofiya induktivnykh nauk, osnovannaya na ikh istorii* [The Philosophy of Inductive Sciences, Founded upon Their History]. Moscow: Knorus, 2016. 500 pp. (In Russian)

Whewell, W. Cont i positivism [Comte and Positivism], *Epistemology&Philosophy of Science*, 2017, vol .54, no. 4, pp. 209–224. DOI: 10.5840/eps201754484. (In Russian)

Поступила в редакцию 24.05.2018